

Г Л А З А С К Ж А З К И

Литературные заметки

Новая повесть Чингиза Айтматова «Белый пароход» вызвала уже немало откликов в прессе. Люди, пишущие о ней, трактуют ее по-разному и расценивают не все одинаково. Но никого она не оставила равнодушным.

Эта баллада в прозе написана с большой силой выразительности, удивительно поэтична. Однако попробуем для начала расчленить то, что в изображенном ею мире так тесно переплетено: реальность и романтику.

Реальность. В заповедном лесу, оторванные большую часть года от остального мира, живут шестеро взрослых людей и среди них семилетний мальчик. Мать в городе, у нее другая семья, отец где-то плавает матросом. Хозяин маленького лесного мира — объездчик Орозукул, существо грубое и тупое, которому чужды добро, красота, поэзия. Остальные взрослые подмяты им. Мальчик — натура впечатлительная, склонная к поэтическому, сказочному восприятию действительности.

Романтика. Она руководит стремлениями мальчика, создает некую трепетно-сокровенную среду, отделяющую его от окружающего мира и одновременно служащую средством его общения с этим миром. От деда принял мальчик в свое сердце сказку-легенду о том, как спасла от уничтожения корень их племени волшебная, добрая и мудрая «Рогатая Мать-олениха». Впоследствии люди прогневили свою покровительницу, и она увела всех оленей-маралов прочь из родных лесов. Счастье и благоденствие придет к людям, когда она вернется. Другую сказку создала художественная ода-рность мальчика, его поэтическая фантазия. Эта сказка тоже постоянно с ним, импровизация может повести его воображение за собою в любой момент. Увидев в камне-валуне очертания какого-нибудь животного, он оживает этот камень, относится к нему как к живому существу. Он оживает также травы и горы, деревья и облака... Он разговаривает со своим портфелем и биноклем. А бинокль подарил мальчику самое драгоценное в сказке, которой тот окружил себя: ее мечту.

Мечта эта очень горька и очень светла. В бинокль видит мальчик с высокой горы синюю полосу вод озера Иссык-Куль. Видит проплывающий по яркой сини ослепительно белый пароход. Верит, что именно на этом-то пароходе и плавает отец. Речка, на берегу которой живет мальчик, впадает в Иссык-Куль. И мальчик, купаясь в речке, учится не закрывать глаза в воде, уметь смотреть, как рыбы: потому что наступит день и час, когда он сможет превратиться в рыбу и поплыть к синему озеру, к белому пароходу, к своему отцу...

С бережным проникновением в раннее детское сердце, с щемящей душу нежностью вообразил автор и описал своего героя.

Прошла перед нами маленькая трагедия, трагедия маленького человека.

Однажды, в трудную для обитателей лесного кордона минуту, вернулись олени-маралы. Самец, самка и олененок. Дед увидел в возвращении священных животных великое знамение. Мальчик не сомневался в том, что это возвратилась, сжалившись над своим покинутым человеческим племенем, сама «Рогатая Мать-олениха». Более того, мальчику удастся увидеть ее, и она разрешает ему приблизиться, посмотреть в ее «большие, ясные и полные» глаза, глаза-сказки. Он поинтересуется, где помирится про око «Рогатой Матери-оленихи». Он заворочен этой встречей, оленями, возникшими, как видение. Он счастлив в твердой своей вере: теперь все будет хорошо...

Олениху убивают: Орозукул очет угостить приезжего, с которым заключил грязную сделку. Орозукул принуждает не кого другого, а деда Момуна застрелить олениху.

Мальчик не сразу узнает об этом: когда он видел маралов, он сильно простыл. Его мысли переменялись с горячечным бредом. В этом состоянии он присутствует при чудовищной расправе: пьяный Орозукул вырубает из отсеченной головы Матери-оленихи рога, а потом его топор расщепляет ее доброе, всевидящее материнское око...

Пожирание оленьего мяса, пьяное обжорство и мерзость — лишь добавочные шпательки воспаленному сознанию

мальчика. Настает его час — броситься в реку, чтобы, стремясь превратиться в рыбу, плыть отсюда, из этого страшного мира, из этого маленького темного царства, просясь слабым лучиком в этом царстве, и угаснуть на две ледяных потока.

В человеческих судьбах, изображенных Чингизом Айтматовым в его повестях, не впервой сталкиваются добро и зло, чистота и порок, человечность и варварство, красота и уродство, талант и воинствующее ничтожество... Особенно характерно для поэтичной айтматовской прозы противопоставление внутреннего мира ярко одаренного, тонко чувствующего юного существа, его формирующегося мироощущения и сознания, с одной стороны, и, с другой — неприятия для него психологии и поступков людей грубых, звероподобных, тупых извергов, всегда — вольно или невольно — угрожающих его растоптать. Иногда это столкновение принимает формы конфликта между романтикой и жестокой прозой.

Вспомним молодого художника, лирического «я», в «Джамиле»; в «Моем первом учителе» — также рассказчика, которому два тополя на бугре кажутся «необыкновенными, живыми». Там, подле них, осталось мое детство, как осколок зеленого волшебного стекла... и, конечно же, героиню повести Алтынай с ее поистине художественным восприятием природы, особенно поэтичным — в первую весну ее юности; вспомним юного героя повести «Верблюжий глаз», верующего, что «будет, будет в этой дикой полярной степи прекрасная страна...» Этому романтику противостоит ненавидящий его, глумящийся над ним Абакир; подобно вору Орозукулу, торгующему заповедным лесом, в «Материнском поле» дезертир Дженшенкул уводит колхозных лошадей, грабит колхозников, отнимает у них семенной хлеб. А Исмаил в повести «Лицом к лицу» с его жизненной программой: «Если жизнь волчья, то и сам будь волком! Всяк для себя!». Кто рвет, тот и ест!... А «краснорожий» и его дружки «бешеные быки», тот самый краснорожий, который чудовищно надругался над чистым, робким чувством Алтынай и Дюйшена, изнасиловал пятнадцатилетнюю девушку...

Поруку судьба любимых героев писателя в схватке с враждебными силами доходит до крайней черты. Однажды для Танабая, героя повести «Прощай, Гульсары!», пришел час, когда «умереть осталось только, надо покончить с собой...» «Я смотрела в мертвые глаза черной женщины, и мне казалось, что сама я уже не живу, что я в могиле». Это стон Алтынай.

Но юную Алтынай спасает комсомолец-учитель Дюйшен. «— Ты думаешь, что истоптал ее, как траву, погубил ее?.. Врешь, прошли твои времена, теперь ее время...» — бросает он в лицо краснорожью. И Алтынай в конце концов возвращается к жизни, к свету. Рядом с Танабаем в решающий час оказывается коммунист Керимбеков. Помог Танабаю обрести счастливый исход своей судьбы и коммунист Чоро. Посрамлен Абакир, празднует победу знание над невежеством, романтика, поэзия — над волчьими привычками и хватками, маскирующимися под «прозу жизни». Крахом заканчивается волчья жизнь Исмаила. Смело и решительно пустились в свой «трудный путь за счастьем» Данияр и Джамиле.

С таким проникновением в мысли и чувства героя-повествователя была написана «Джамиле», что не случайно многие восприняли эту повесть как творческий манифест молодого писателя.

В «Белом пароходе» по сравнению с другими повестями Чингиза Айтматова основа конфликта осталась прежней. Но трагическое восприятие событий героем, трагичность самой ситуации сильно обострены.

Ни в каком другом своем произведении автор не показывал столь одаренную натуру, столь чуткую к прекрасному и столь остро ранимую. Никогда еще не показывал он столь раннего детства, а потому — романтики и поэзии столь беззащитной. Ни в одной повести не был герой так одинок, так обречен. Его дет-

ство стиснуто лесом и горами. Даже школа — за горами. Даже кино — далеко отсюда. Губительно одиночество души этого мальчика. Заехали однажды на кордон молодые совхозные шоферы. Кулубек, один из них, показался мальчику «самым сильным, самым смелым и самым красивым». «Вот был бы у меня такой брат... Я бы никого не боялся... Но Кулубек появился и уехал.

Гротескно обострено изображение силы зла. Прежнему «краснорожью» далеко до Орозукула, у которого лицо бывает «багровое, как вспущенное вымя коровы... Этот взяточник, расхититель ценнейшего народного достояния, негодяй с байскими замашками, ненавидит не только людей, окружающих его, он ненавидит весь «этот мир, где все устроено не так, как требуется, не так, как положено Орозукулу по его достоинствам и по должности»...

Обитатели лесного кордона в такой степени лишены каждый чего-то чрезвычайно важного для человека, что к ним легко применимы прилагательные с категоричной приставкой «без»: «безвольный Момун, бессловесный Сейдахмат, безликые Гульджамал и Бекей, бездушный, бездарный и беспощадный Орозукул.

Мальчик учится смотреть глазами рыб. Но писатель уже наделил его зрением, похожим на зрение рыбы. Вспомним картинку из популярной книжки: как видится рыбе надводный мир. Темный оком, кругозор, темное кольцо стиснутого горизонта, и в нем небольшое пятно дневного света. Фигуры людей, стоящие близко к берегу, кинжалами устремлены к центру этого светлого пятна, к тому самому ску, которое видит мир. Для мальчика это кинжал ненависти, холодная сталь равнодушия, разящее острие предательства: нежно любимый мальчиком дед приносит в жертву Орозукулу самое святое.

Так обострена трагическая ситуация. К тому же мальчик заблуждается, он и без того «путал явь с воображаемыми картинками», а тут его рассудок вовсе меркнет...

Ну вот. Злая сила Орозукула «истоптала, как траву», погубила душу мальчика. И никого не оказалось рядом, чтобы защитить его, спасти.

Вместе с острой жалостью, когда читаешь эти страницы, входит в сердце и другое чувство. Похожее на тоску по простору, по вольному воздуху — по «широкой, светлой дали», в которую вел свою избранницу Данияр. По атмосфере тех самых повестей Чингиза Айтматова, которые сделали его для многих читателей одним из любимых художников. По напряженному дыханию борьбы. По образу людей, гордых своею доброй силой. По героической теме преодоления не только протестом, но победой. По таким героям, которые идут трудным путем, но идут к счастью.

Хочется думать, что «Белый пароход» плывет не по новому руслу в творчестве Чингиза Айтматова, что эта повесть не опровергает своих предшественниц по времени.

И хочется рассматривать ее как один из возможных вариантов решения постоянной для художника темы. То есть — эта повесть могла появиться посреди тех, что были написаны ранее, она может быть рассмотрена как одно из звеньев большого цикла произведений, а не логическое их завершение.

«Нет, вовсе это не верно! Новая повесть венчает собою все предшествующие труды писателя, в ней наиболее остро выражена его эстетическая позиция... Допустим, что мы можем услышать примерно такое возражение.

Но тогда не справедливо ли будет вспомнить о напущении молодого художника своей Джамиле — он советует ей в час испытания «прислониться» к Данияру: «Пусть он споет тебе свою песню о любви, о земле, о жизни! Пусть всколыхнется и заиграет всеми красками степей... Вспомнить о раздумьях этого молодого художника, о его символе веры, о его клятве верности своим героям-борцам: «Пусть в каждом мазке моем звучит вапав Данияр! Пусть в каждом мазке моем бьется сердце Джамиле!».

Ведь то, что несут эти слова, не сказка, которая может быть убита. Это мечта, которая рождена явью, чтобы стать явью.

Ю. ЛУКИН.